

Таня Ши

ТЕОРИЯ КОЛЛАПСА

А НА ЧТО ГОТОВ ТЫ, ЧТОБЫ ДОСТИГНУТЬ ЦЕЛИ?

#ТРИМЕР
#МИСТИКА
#ДЕТЕКТИВ
#РОМАН
#БЕЗУМИЕ
#БИЗНЕС
#ЛЮБОВЬ
#ОТЧАЯНИЕ
#МАСКИ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Тания Ши
Теория коллапса

«Автор»

2019

Тания Ши

Теория коллапса / Тания Ши — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-03937-7

Фотограф раскопал могилу девушки, чтобы запечатлеть её прекрасный мёртвый образ. Вдова, навещавшая покойного мужа, не стала вникать в творческий процесс. Вырубила и связала извращенца. Пока искала помощь, прислонённый к ограде труп девушки исчез. Кому и зачем понадобилась мёртвая девица? И как это связано с тем, что неподалёку ограбили немого паренька? Любителям Тарантино и всем, кому не нравятся ванильные романы, посвящается... Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-03937-7

© Тания Ши, 2019

© Автор, 2019

Содержание

Часть 1. Её похоронили в чёрном	5
ГЛАВА 1. ФОТОГРАФ	6
ГЛАВА 2. ВДОВА	12
ГЛАВА 3. МАТЬ	15
ГЛАВА 4. ОТЕЦ	17
ГЛАВА 5. ПОДРУГА	19
ГЛАВА 6. НИКИТА	21
ГЛАВА 7. МАТЬ НЕМОГО	23
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Тания Ши

Теория коллапса

Часть 1. Её похоронили в чёрном ПРОЛОГ

Жизнь – самое непредсказуемое, что есть...

У кого-то наступает великое счастье, у кого-то наоборот.

Кто-то видит в чужом горе избавление от собственных мук.

А кто-то на своём несчастье пытается заработать.

Кто-то кажется близким человеком, но бьёт сильнее всего.

А кто-то постоянно предаёт, но делает вид, что самый близкий человек.

Кто-то не знает тебя, но решив, что с тобой поступают неправильно, бросится на помощь.

А кое-кто совершит уж что-то абсолютное невероятное. Что-то неподвластно человеческой логике.

И всё же... если ты не сделал ничего плохого, то в этом хитроумном сплетении судеб всегда отыщется человек, который любит тебя не за что-то, а просто потому, что ты есть...

Пускай пока ты не знаешь, кто этот человек.

Но придёт время, и ты обязательно его узришь!

Всё непременно!

(ПиС: Первая и последние главы писались под репит «I am waiting for you last summer – Through The Walls». Возможно, и вам понравится!)

ГЛАВА 1. ФОТОГРАФ

- Я не сумасшедший!
Устал уже доказывать это.
Меня накачали какой-то дрянью, как собаку.
В голове туман.
И связали тоже, как собаку. Словно я серийный убийца, и у меня не все в порядке с «кукухой».
- Хотя, я просто оказался не в том месте и не в то время.
Бывает такое.
- Ну да. Мне часто это говорят, – психиатр кивнул с вежливой тактичностью, с таким выражением на физиономии... очень захотелось в эту самую физиономию плюнуть, чтобы это выражение стереть.
- Но не стоит злить психиатров.
- Ваши действия доказывают обратное, – произнёс он.
Я усмехнулся.
- Что же такого предосудительного я сделал?
– Хорошо! – сдался док. – Объясните, зачем раскопали могилу? И куда дели труп?
Я молчал.
- Люди не поймут, что бы ни говорил.
Им не понять чувств, которые пытаюсь передать через фотографию. Я зарабатываю на жизнь снимая свадьбы, банкеты, юбилеи, концерты. Но моя истинная страсть – это запустение...
- Я просто фотографировал.
– Что именно вы фотографировали?
– Вы не поймёте.
– Я здесь чтобы понять вас. А вы – чтобы быть понятым. Вы кажетесь адекватным молодым человеком. Поэтому, пока мотивы вашего поступка не будут понятны – вы отсюда не выберетесь. Стоит поторопиться с решением. В этих стенах кто угодно сойдет с ума.
- Он замолчал. Да и я не спешил говорить.
Зачем спешить, раз я в психушке?!
- Я снимаю мёртвых людей, – вяло буркнул спустя пару минут.
– То есть, вы фотографируете на похоронах?
– То есть, снимаю мёртвых людей, – повторил я.
– А конкретнее?
– Трупы я снимаю, что здесь непонятного? – начал злиться на несообразительность.
- Психиатр впился рентгеновским взглядом.
Я поджал губы.
- Зря нарываюсь, конечно! Ещё одно успокоительное не выдержу. А ими здесь пичкают, как витаминами. Какая разница, что сердце не выдержит. Одним психом меньше!
- Наконец он спросил:
- Вы успокоились?
– Да, спокоен, – раздраженно произнёс я.
– Тогда расскажите: как именно снимаете трупы? Зачем вам это? Когда начали этим заниматься? Для чего раскопали могилу? И куда дели тело?
– На какой из вопросов отвечать? – хмуро поинтересовался я.
– По своему усмотрению...

Голова становилось будто чужой. Мысли размножились и пытались выбраться наружу. В воображении голова стала расти от них. Росла, росла, росла – стала гигантских размеров. Череп захрустел, начал трескаться и, наконец, голова разлетелась, как пустой пакет из-под сока под давлением. Кровь и мозги забрызгали лицо самоуверенного докторишки.

Визуально это проявлялось так: я сидел и тупо пялился вдаль. А затем внезапно расхохотался.

– Что смешного?

– Ничего, – посерьезнел я, – видимо, это результат того, что мне колют.

– Вам прописаны легкие успокоительные. Реакция должна быть другой.

– У меня реакция, что сейчас засну, – зевнул я в подтверждение слов.

– Вы вернётесь в палату, как только ответите на вопросы.

Я немного подумал и начал:

– Знаете, док, меня всегда поражала человеческая природа. Люди рождаются, ходят в детский сад, в школу, в институт, устраиваются на работу, обзаводятся семьей, растят детей, выходят на пенсию. И умирают. Краткая биография обо всем человечестве стандартного социума. Есть множество отслоений от этого стандарта, которое типичный социум не одобряет. Например, если у человека странное хобби.

– Что вы имеете в виду под странным хобби?

– Мне всегда нравилось запустение. В нём нет пафоса, наигранности. Только истинная сущность, толкующая, что всё рано или поздно умирает.

Я кинул взгляд на зарешеченные окна и продолжил:

– Я люблю фотографировать старые заброшенные здания, пустыри, позабытые местности. Делаю это в свободное от работы время. Свадьбы, юбилеи, праздники... Если б вы знали, сколько там лжи. Хотя, всё это чистой воды выпендрейж. В запустении – искренность.

Однажды днём гулял возле кладбища, и мне стало любопытно. Решил пройти по нему. Вы когда-нибудь гуляли по кладбищу осенью? Тогда вы не поймете.

Опадающая листва, пожухлая трава, ещё не холодно, но уже и не тепло.

Каменные портреты людей, умерших в разное время. Кто-то умер слишком молодым, кто-то слишком старым. У каждого своя история. Но одна истина: все умрут.

Я подружился со сторожем и начал собирать истории мёртвых. Дома у меня много папок с такими историями: кто как умер. Да, мне любопытны жизни мёртвых, которых забыли живые.

Ведь живым принято забывать умерших.

Истории постепенно увлекали. Я принялся собирать их и на других кладбищах. Пришлось освобождать гараж от старого хлама, чтобы разместить собранные биографии. Но через некоторое время и этот процесс мне наскучил.

Я не мог понять, в чём дело. Пока, гуляя по кладбищу, не увидел похороны молодого парня.

Парнишка не старше меня.

Его так искренне оплакивали...

Я удалился на два ряда от места действия, чтобы поснимать.

На лицах собравшихся было столько истинного горя. Но не они привлекли внимание.

Лицо парня... Такое умиротворенное. Спокойное.

Безразличное ко всему происходящему.

Умело загримированное.

Мне стало любопытно: каким это лицо станет через год?

Ведь все меняется.

И это лицо – тоже!

Тогда я начал действовать по-другому. Собирал истории только что умерших, записывал, где какая могила, а спустя полгода-год возвращался, раскапывал могилу, вскрывал гроб, и фотографировал мертвеца.

– Вы фотографировали разложившиеся трупы? – переспросил психиатр, озадачившись.

– Да, я фотографировал разложившиеся трупы, – я помолчал, ожидая, пока психиатр переварит эту информацию, и продолжил: – Разложившиеся трупы – тоже люди. Только люди, о которых забыли. Откуда знаю? Потому что периодически прихожу к ним на могилы и вижу запустение. К некоторым, конечно, приходят. Так я познакомился с Ингой, потерявшей мужа. Из-за ошибки, которую не устранили, его станок на заводе периодически клинило. Он полез посмотреть, что произошло, когда станок внезапно заработал, и мужчине отрезало голову.

Мы с Ингой подолгу беседовали о загробном мире. Она сказала, что муж часто снится и просит передать любимый портсигар. Инга слышала: чтобы передать вещь покойному на тот свет, нужно положить её в гроб к любому умершему перед погребением. Класть портсигар к незнакомому умершему женщина не хотела. Но муж продолжал донимать кошмарами. Что делать, она не знала.

Тогда я предложил помощь. Пообещал, что раскопаю могилу и вскрою гроб, если она разрешит сфотографировать мужа.

Она возмущалась, что это полнейшая дичь. Но изменила решение, когда кошмары стали невыносимыми. Сама разыскала меня...

Это была первая могила, которую раскопал. С момента принятия решения фотографировать мёртвых, прошло четыре месяца. За это время я сфотографировал двадцать четыре умерших, и терпеливо выжидал время.

Мы с Ингой собрались перед рассветом. Договорились со сторожем. И принялись за дело.

Я чувствовал себя Молчановым, убивающим старуху-ростовщицу. Но любопытство было сильнее... На деле, страшно только в первый раз. Потом привыкаешь и делаешь всё довольно-таки спокойно. Вам никогда не было интересно, насколько меняется умерший, спустя год?

– Никогда не задумывался об этом, – скривившись, ответил психиатр.

– Некоторые из них меняются, некоторые нет. Некоторые сильно разлагаются, а другие не очень. По некоторым вовсю ползают черви, питаюсь гниющей плотью, а по другим – нет. Даже если при жизни человек имел лишний вес, спустя год все соки уходят, вода испаряется из тела, масса мышц сокращается и человек – всего лишь скелет, обтянутый кожей. Вы можете не верить, но пару раз я находил трупы людей в неестественном состоянии. То есть, их похоронили заживо, и они, очнувшись в могиле, пытались выбраться. Но полтора метра под землёй никогда не дают такой возможности. И люди медленно и мучительно умирали...

То, что вас интересует, произошло на сельском кладбище.

Кладбище находится в 10 километрах от города. До него можно добраться на автобусе. В тот день было несколько похорон. Но девушку пришла проводить такая толпа, что даже сложно было протиснуться.

Девушку звали Анжела. На вид лет двадцать с небольшим. По традиции, молодых незамужних девушек обычно хоронят в свадебном платье, чтобы она могла выйти замуж на том свете. Но почему-то... её хоронили в черном!

Как выяснилось, она была актрисой. Получила главную роль в фильме «Чёрная дама». В интернете писали, что Анжела безумно хотела эту роль. И её утвердили.

Немного потолкавшись среди скорбящих, я услышал, что она была милой, доброй, безотказной (так обо всех покойниках говорят), и много работала.

Анжела с друзьями пошла в кабак праздновать получение роли. Пьяные мужики в ресторане начали бузить, и один с ножом кинулся на обидчика. Тот увернулся, но разгневанный смутьян, потерявший способность соображать, летел, на подругу Анжелы. У всех были считан-

ные секунды. Единственное, что смогла сделать Анжела – шагнуть вперед и заслонить подругу собой. Нож вошел ей в грудь и девушка умерла на месте.

Хоронили актрису в игровом костюме. Пышное черное платье, сверху обшитое гипюром, и черная шляпа с вуалью из фатина. Создалось впечатление, что Анжела играет роль лёжа в гробу. Столько в ней было чувств. В мёртвом теле не может быть столько эмоций! Казалось, что она не умерла вовсе.

Но ведь, такое впечатление создаётся у многих, кто смотрит на покойников.

Анжела завладела моим разумом. Я словно сошёл с ума. Каждый день просыпался и начинал утро просмотром фильма с её участием. Любовался прекрасными чертами, изучал о ней статьи в интернете. Каждую минуту думал о ней. Потом пугался собственных иллюзий, ловя на мысли, что Анжела мертва.

Она лежит в гробу и разлагается!

От этой мысли я сходил с ума ещё больше.

Потерял интерес. Аппетит. Начал терять заказы.

Реже выходил из дома и как умалишённый просматривал фильм за фильмом.

Это продолжалось несколько недель. Пока не пришло решение: я хочу её увидеть!

Тем же утром, на рассвете, с трудом раскопал могилу Анжелы.

Был конец ноября и местами уже лежал снег. Земля была промёрзшая и влажная, что создавало некоторые трудности. Но желание увидеть Анжелу оказалось сильнее.

Унылая полная луна тускло торчала на небе, иногда стыдливо прячась за облаками. Но даже, когда небо посветлело, луна не желала уходить, раздражая, как навязчивая гостья. Мне показалось это странным. Ведь обычно мне нравилось смотреть на луну. Но сегодня хотелось её сбить, как дразнящую мишень в тире.

То, что я увидел, повергло в шок.

Анжела ни капли не изменилась с момента смерти.

Это точно! Ведь я каждый день разглядывал её фотографии.

Обычно старался не касаться покойников, но иногда приходилось. Здесь же не выдержал и дотронулся до руки девушки. Конечность была холодной, но не трупной. Я попробовал слегка приподнять её руку и пришел в замешательство. Рука, хоть и с трудом, но поддалась вполне свободно. Я осторожно поднял вторую. Обе кисти безжизненно повисли в моих руках. Я легонько помотал ими в воздухе и резко отшатнулся, отпустив конечность, словно прикоснулся к гремучей змее.

До меня начало доходить.

Если Анжела ни на день не изменилась, температура тела ниже человеческой, но выше, чем у покойника, а суставы не «окоченели», руки имеют гибкость, то...

Означает ли это, что она... не мертва?!

Чтобы это проверить, я осторожно повернул её голову вправо. Влево. Осторожно запустил руку под шею и попытался приподнять. Тело спокойно поддалось и я, взяв девушку на руки, переложил её на гравий.

Выбравшись из могилы, присел возле Анжелы на корточках и принялся рассматривать. Повторюсь, ранее, я просто фотографировал покойных, и тут же закапывал, наводя полный порядок на могиле. Но здесь у меня зародились сомнения. Выражение лица с последнего момента, когда я видел Анжелу, немного изменилось.

Я осторожно приоткрыл ей один глаз и принялся рассматривать. Радужка была орехового цвета. Приоткрыл второй. Теперь глаза девушки без интереса смотрели в ноябрьское небо. Разумеется, не двигаясь. Но трупного эффекта кошачьего глаза и изменения цвета не было!

Стало не по себе, и я, немного потрогав щеки, создал подобие улыбки её лицу. Несмотря на попытки, выглядела она жутковато. В пышном черном платье, с откинутой вуалью

от шляпки, Анжела лежала на спине, и с легким намеком на полуулыбку созерцала утреннее небо безжизненным взглядом.

Плечи мои невольно передернулись.

Я слегка приподнял Анжелу и оттащил к ограде. Провозился с ней минут двадцать, не меньше. Наконец, усадив и создав интересный образ, добился нужного ракурса. Принявшись фотографировать, с удовольствием любовался качеством фотографий и отблеском от вспышки в её глазах.

Я увлекся и не заметил, как наступило утро.

Понял это, когда услышал, как какая-то женщина орет: «Ты что делаешь, ирод!»

Не успел ни испугаться, ни удивиться. Просто обернулся и увидел женщину средних лет, в чёрном платке, легкой куртке, резиновых сапогах, и с метровой лопатой в руке. Это всё, что успел разглядеть! Этой самой лопатой она зарядила по голове. Но... Прежде, чем потерять сознание, я увидел кое-что странное...

– Что? – переспросил психиатр.

– Мёртвая девушка... на её лице больше не было улыбки. Я повернул её так, чтобы Анжела смотрела вдаль. А она смотрела прямо на меня. Прямо в глаза.

Я замолчал.

Док тоже молчал.

Наконец, он произнёс:

– Ну, с тобой-то все ясно. А куда девушку дел?

– Я её никуда и не девал.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Я очнулся у соседской ограды, прислонённый к холодной железяке. Руки привязаны за спиной к могильной ограде, так, что если вздумалось бы уйти, то только вместе с ней. Вернулась сумасшедшая, огревшая лопатой, вместе с какими-то пьяницами. Ещё спустя некоторое время появилась полиция. Меня забрали в отделение, камеру изъяли в качестве улики. Ну и сейчас я здесь. Прохожу, как вы это называете, лечение. Признан психически больным. Но это не так.

– А с девушкой что?

– С какой девушкой? – переспросил я.

– Ну, с мёртвой.

– Наверное, она всё-таки была не совсем мертва, – предположил я спокойно.

– В смысле?

– Когда очнулся, её уже не было.

– А куда она делась? – обалдел док.

– Мне почём знать?! Но это выглядело так, как будто Анжела исчезла.

– Но она на самом деле исчезла, – напомнил психиатр.

– Бывает, – пожал я плечами и ухмыльнулся.

– Там был только ты, – настаивал док.

– А вам откуда знать? Вас же там не было, – издевательски заржал я.

Док расстроился и вызвал санитаров. Те пару раз двинули мне по почкам. Из моего рта пошла кровь.

– Хватит. А не то еще прибьёте нафиг, – скривился док.

– Как вы великодушны, – съязвил я и сплюнул кровь ему в лицо. Промазал и попал всего лишь на халат, за что получил нехилую затрещину.

– Ты у меня тут сгниешь, – пообещал док, а я расхохотался, чувствуя, как вкальвают еще «отравы».

В голове зашумело, тело обмякло, в глазах начало расплываться. Я повис тряпичной куклой в руках крепких санитаров.

Они под руки потащили меня в грязной смирительной рубашке по не менее грязному и обшарпанному коридору.

– Как думаешь, через сколько он сдохнет? – поинтересовался один.

– Без понятия! Но знаю, что есть кое-кто, кто постарается, чтобы он сдох здесь как можно быстрее...

– Может, нам удастся продать его органы?! Печень мне!

– А ты не офигел, нет?

Если бы в этот момент меня снимал какой-нибудь коллега, он бы отметил мою лёгкую улыбку.

Но санитары – народ не настолько внимательный!

«Э нет, ребятки! Я не дам пустить себя на органы! И тем более не дам себя укокошить!»

Но теперь знаю одну вещь...

Анжела, ты не мертва и ты не дома.

Ты пропала и все считают, что это я.

Но это не так!

Ты где-то есть!

И точно жива.

Абсолютно!

Я обязательно найду тебя и разгадаю твою тайну.

Только для начала выберусь отсюда...

Я зевнул и отключился.

ГЛАВА 2. ВДОВА

– Это просто невыносимо! – возмутилась я. – Да когда ж вы оставите меня в покое?!

– Расскажите ещё раз все детали, и мы оставим вас в покое, – упрямо пообещал мужчина напротив.

– Уже тысячу раз рассказывала. Ваши люди всё давным-давно записали. Почему никак не отстанете?

– Потому, что вы – главный свидетель, сообщивший об акте вандализма. Возможно, сумеете вспомнить ещё детали, которые помогут вывести на злоумышленников, похитивших труп из могилы.

Я вздохнула и начала:

– Ну... я поехала на выходные к детям в город. Муж трубку ни мобильного ни домашнего не снимал. Я разозлилась ещё, что баба за порог, а мужик свободу почуял. Подумала, запилил. Когда вернулась в воскресенье домой, принялась его разыскивать: где это он бродит. Всех его дружков обзвонила, никто не знал где Вася. Думала, ну мало ли, куда пошёл. Задерживается. Ночь настала, а его всё нет. Мобильный недоступен. Я уже не знала, что и думать. Только сердце болеть начало. Непокойно стало. Поняла: что-то случилось с моим Василием. Всю ночь не спала, места себе не находила. Утром, в пять часов, мне с его работы позвонили (Вася на хладокомбинате работал), мол, так и так, Федоровна, горе у нас. Василия обнаружили закрытым в «холодильнике», где он пробыл все выходные. Дело в том, что у них три бригады: на каждую бригаду по холодильнику – это такие здоровенные морозильные камеры. Так вот, Вася в конце смены зашел подсчет сделать. А его взяли и закрыли. Подумали, мол, чего это холодильник нараспашку. Вася стучал – стучал, но разве ж кто услышит в конце рабочего дня? А в выходные работали две остальные бригады, потому Василия обнаружили только в понедельник с утра.

С похоронами помогала вся деревня. Кто чем мог. Дети приехали. А мне всё кажется, что Василий будто бы не умер, а уехал куда. Хотя сама его обмывала, одевала, ночь над гробом молитвы читала – всё как положено. Только чудится мне, что здесь он, рядом со мной, никуда не «уходил». Одна я осталась. Дети в городе. Никому не нужна. А мне ведь только пятьдесят шесть. Да. А Василию моему было шестьдесят. Ему б еще жить да жить. А Вовка, ирод этот, что моего Васю закрыл, ходит себе спокойно по деревне. И как его земля только носит?! Ну да чёрт с ним, с этим гадом, Бог все видит!

Снится, значит, Вася мой. Что ходим мы по нашему саду, и он говорит: « Вот это дерево подари мне». Я ему отвечаю: «Вася, ты что обалдел? Это не дерево, это пихта. Растет она на нашем с тобой огороде. Ты мне её три месяца назад сам подарил, а теперь хочешь, чтобы я её тебе назад передарила, что ли?». А он такой нахмурился, и говорит: «Тебе что, для мёртвого мужа дерева жалко?».

На том я и проснулась. Холодный пот ручьём льётся, колотит. Гляжу на часы – ровненько четыре утра. Думаю, ну, раз мой Вася уж так хочет эту пихту, надо ему её отнести и посадить. Пока с постели поднялась, пока одевалась, всё думала – зачем Васе это дерево? Когда уже пихту выкапывала, сообразила, что сегодня девятый день с его похорон. Думаю, ну точно нужно поспешить и принести ему это растение. Обмотала корешки, и вышла.

От посёлка до кладбища час пешком. Раз в шесть выйду, то в семь на кладбище буду. А там, глядишь, пихту прикопаю Васеньке, и сразу с кладбища домой. Скоренько соберусь, и на работу к девяти. Работаю я на почте нашей. А кладбище это – от дороги почти километр через поле. Самое интересное: чего только на этом поле не старались посадить – ничего не растёт. Земля мёртвая! Вот подхожу я к воротам уже. Смотрю, а там машина чья-то стоит. Подумала еще, что не одна я буду.

Иду, значит, о Васеньке думаю. А слева, через ряд, вспышки какие-то. Я остановилась. Гляжу, парень какой-то крутится и так и этак. Фотографирует. Гляжу, а там девка какая-то сидит к ограде соседской привалившись, вся в чёрном. Ну, думаю, совсем оборзели эти, которые на могилах спят и духов вызывают...

– Готы, что ли?

– Да, вандалы эти. Ни стыда, ни совести у людей нет! Вот сейчас подойду, думаю, и всыплю им по первое число, чтобы на нашем кладбище не ошивались.

Прислонила пихту, значит, возле чьей-то могилы, а сама тихонько вперед иду. Подхожу ближе и замечаю: могила-то разрыта, венки валяются, а рядом с крестом, возле чужой ограды, крышка гроба лежит. Тут до меня и доходит, что девица-то эта – покойница. Я прямо обезумела от страха. «Что ты делаешь, ирод!» – кричу. Ирод обернулся и такое у него было лицо, что я перепугалась и огрела его лопатой. В первый раз по спине попала. Он упал, но тут же попытался удрать. Тогда-то я ему по затылку заехала. Он рухнул и не шевелится. Я стою, чё делать – не знаю. Сразу перепугалась, что пришибла вандала-то этого. Но нет, гляжу: дышит, сопит себе. Вытащила его к чужой оградке. Думаю, очнётся, вдруг пришить захочет. А чё? Место глухое – кладбище. Закинет меня в гроб вместе с этой покойницей и закапает. Я его, недолго думая, спиной к ограде усадила и руки верёвочкой-то к оградке да привязала, чтоб не убежал, значит. Верёвочка такая, знаете, от торта. Специально таких с собой набрала. Подумала, мало ли венки Васе подвязать, или ещё чего. А сторожа-то на этом кладбище нет. Сторожка стоит, а сам охранник редко в ней засиживается. Сторожка стоит, пустует. Правда, её облюбовали наши мужики и часто здесь выпивают. Вот я и бежала к ней со всех ног, надеясь, что там кто-нибудь из наших-то мужиков запил да и заснул. Видимо, Бог услышал мои молитвы. Потому что в сторожке обнаружили Степан да Володька – вечные выпивохи. Но хоть какие-то мужики. Пока я их растолкала, пока объяснила что к чему, пока они поняли, что от них хочу – я уже и от испуга оправилась. Только разозлилась на них, что медленно соображают. Выпихнула из сторожки, и к могиле той разрытой повела. Парень уже очухался, сидит, головой крутит. Мужики головы чешут, поверить не могут, что такое на самом деле происходит. А девица эта пропала.

– Как пропала? – поинтересовался следователь.

– Вот так просто: взяла и пропала. Когда я уходила – сидела себе смирненько, а когда с мужиками вернулась – не было её.

– Так может сама ушла?

– Ну, здарсьте, сама ушла, – посмотрела я на мужика, как на дитё малое. – Я потом на дату смерти глянула – почти с месяц как покойница. Не могла сама уйти.

– А как она выглядела?

– Ну что я её разглядывала что ли? Перепугалась до полусмерти – такие страсти творятся. Помню только, что она в чёрном была. Шляпа на ней была такая, лицо закрывала. Да и то, не уверена, была ли эта шляпа.

– А дальше что было?

– Дальше? Дальше Володьку в посёлок отправили, чтоб в полицию звонил, а сами со Степаном сторожить этого ирода остались. На работу в тот день я так и не попала. Замучили ваши следователи. Часа в четыре на кладбище вернулась – пихточку Васе прикопать. Сидела и рассказывала ему, какая история приключилась... Я вот что думаю: не один этот ирод был. А с кем-то. Пока за мужиками-то ходила – минут десять прошло. Сообщник взял, да утащил девицу – и всё!

– А тогда почему ирода не развязал? – поинтересовался следователь ехидно.

– Так не успел. Мы вернулись, – нахмурилась я.

– А почему сразу не развязать, а потом вместе девицу тащить?

– Ну, почём знаю. Я, что ли, сообщник? – разозлилась я. – Но не могла ж мёртвая девица просто так взять и исчезнуть. Одно точно скажу: Вася мне не просто так снился! И не пихта ему нужна была. Он специально меня позвал, чтобы я эту покойницу от ирода спасла. Василий-то у меня добрый был. Всем помочь старался. Люди к нему тянулись... – сердце защемило, а слезы из глаз потекли сами собой. – Так не верится, что нет его больше со мной...

– Скажите, может, заметили ещё что-нибудь странное?

– Да чего уж странного? Всё вам рассказала. Нет у меня привычки от следователей тайны хранить. А девица эта рано или поздно найдется. Мёртвые же не передвигаются. К тому же, раз она на том свете, Василий за ней приглядит...

ГЛАВА 3. МАТЬ

– Когда уже закончите это следствие? Сколько можно муржиться? Что бы вы чувствовали, если бы ваша единственная дочь умерла? Безысходность? Ненависть к виновным? Да! Я ненавижу эту сучку Алину. Её подружку. Это всё из-за неё.

– Вы считаете Алину виновной в смерти вашей дочери?

– Разумеется, считаю. Тысячу раз говорила Анжеле не общаться с ней. Просто уверена, что Алина спала с Никитой – это парень Анжелы. И не раз. Она всегда хвостом перед ним крутила. А Никита, ещё тот кобель! Он не пара для Анжелочки. Моя дочь всегда была послушной, робкой, воспитанной, пока не связалась с этими двумя. Этот журналюга кобель, а Алина, и того хуже – продавщица на рынке. Шмотками торговала. Образованием там и не пахнет.

Я вздохнула и предложила:

– Может кофе?

– Нет, спасибо, – отказался следователь.

«И правильно, нам больше будет...», – мысленно хмыкнула я и вздохнула.

– Я сразу поняла, что Анжела – талантливый ребёнок. Потому, отдала её обучаться игре на фортепиано, на художественную гимнастику, в кружок хора и, разумеется, обучаться актёрскому мастерству. Анжела впервые снялась в кино в шесть. Режиссёры были просто в восторге от неё. В школе она не успевала, но это и не важно. Ведь ребёнок работал и зарабатывал больше, чем мой муж, будучи директором птицефабрики. Я бросила работу и занималась тем, что продвигала Анжелу, как восходящую звезду. Она всегда была послушной и спокойной. Очень много работала. Если выпадали ещё съёмки, соглашалась на все предложения. Теперь понимаете моё негодование, когда она притащила этого бестолкового Никиту к нам на чай. Я вышвырнула его из дома, как паршивого кота. Надеюсь, что моя девочка образумится. Но Анжелу словно подменили. Она закатила истерику. Принялась угрожать, что уйдёт из дома, если не соглашусь с её выбором. Когда я поинтересовалась, что же дочь намерена делать без меня, ведь она не выживет, Анжела заявила, что вполне готова работать и обеспечивать себя самостоятельно. Нет, вы только подумайте! И это после того, как я ей всё отдала! Ушла с работы, занималась воспитанием, помогала заучивать тексты, ночами не спала, ругалась с режиссёрами, только чтобы она была в шоколаде. И дочь посмела такое заявить... В общем, пришлось терпеть этого Никиту, только чтобы Анжела спокойно могла работать. А потом появилась ещё и Алина. Анжела познакомилась с ней, когда эта дрянь в массовке снималась. Моя девочка помогала ей получать второстепенные роли. И пригрела змею на шее. Я вам сто процентов гарантирую: этот Никита и эта дрянь путались у Анжелочки за спиной.

Моей девочке предложили роль в многобюджетной картине «Чёрная дама». Замечательная легенда о девушке, вышедшей замуж за короля. Красавица была из средних слоёв, потому королева-мать ненавидела её и приказала отравить. После смерти возлюбленной, король так страдал, что приказал собрать в своём дворце всех алхимиков, каких только возможно. Обещал осыпать золотом того, кто призовет дух его возлюбленной с того света. И у одного алхимика это вышло. Только его условием было, чтобы король не касался призрака. Увидев любимую, король попытался её обнять. Дух женщины дико закричал и растворился. И с тех пор в замке то и дело встречаются тёмный женский силуэт. Это чёрная дама бродит и ищет своего возлюбленного, не в силах вернуться на тот свет.

– Интересная легенда, – подтвердил следователь, – но что насчёт вашей дочери?

– Моя дочь получила главную роль. Ей специальношили платье на заказ и чёрную шляпу с вуалью. Она была прекрасна в этом наряде. В этом самом наряде её похоронили, – я осеклась, вспомнив, что моя дочь мертва. Пару секунд сверлила взглядом даль, после встала, и направилась вглубь квартиры.

– Вы куда? – крикнул грёбанный следопыт.

– За виски. Не могу разговаривать на эту тему без виски, – огрызнулась я.

Усевшись перед ним с бутылкой, наполнила стакан и выпила залпом. – Ох, вот теперь могу продолжать, – сказала я, подливая в стакан ещё. – Подонка, что её зарезал, не нашли. Таких на электрический стул сажать надо, а не в тюрьму. Мою дочь уже не вернуть, а ваши даже не чешутся...

– Поверьте, мы делаем всё возможное, – начал заливать следак, а я скривилась:

– Знаем мы, как вы работаете... – я выпила ещё стакан. Наполнив его снова, продолжила, – Анжелочка приняла на себя участь этой сучки Алины. Хотя, лучше бы эта тварь умерла вместо моей дочери. Бездарность. Её вместо моей Анжелы утвердили на роль. Я была на монтаже. Такого дерьмового фильма ещё не видела никогда. Его ещё не досняли, а я уже знаю, что фильм – полный провал! Нет справедливости! Таланты погибают, а дерьмо и бездарность остаются. Вот почему наш мир катится ко всем чертям. Его спасёт только конец света.

– Скажите, вам известен парень, разрывший могилу вашей дочери. Есть ли предположение, кто из его знакомых мог спрятать труп вашей дочери.

Я хихикнула и выпила, обновив стакан:

– Парень, конечно, безобразно поступил. Слышала, он был влюблён в Анжелу и разрыл могилу, чтобы сделать снимки моей дочери. Понятно же, что он – один из её поклонников. Можно ли осуждать парня за такую сильную влюблённость?! Ведь он, как и король из «Чёрной дамы», не смог выдержать разлуки после смерти любимой. Анжела очень красива. Думаю, как фотограф и художник, он хотел сохранить её красоту. Так что, если у него и были сообщники, (а они определённо были, иначе, куда пропала моя дочь) то они, скорее всего, забрали тело Анжелы, чтобы забальзамировать и навечно сохранить её красоту. Полностью одобряю это! Это означает, что Анжела даже после смерти не менее популярна.

– То есть, вы абсолютно не переживаете, что тело вашей дочери сначала выкопал какой-то сумасшедший, а затем оно исчезло вовсе? – удивился надоедливый мужлан.

– Что значит, не переживаю?! – возмутилась я и со злости хлопнула ещё стакан. – Очень даже переживаю. Моя девочка находится неизвестно где, неизвестно в чьих руках. Может, над ней глумится какой-то извращенец? А вы в это время сидите здесь и задаёте дурацкие вопросы! Это ваша работа – найти убийцу! Найти исчезнувший труп моей дочери, – обзлилась я на наглеца.

Расселся, понимаешь ли, тут. Лясы точит... вместо того, чтобы выполнять долг перед обществом.

– Не беспокойтесь. Мы обязательно найдём и убийцу и вашу дочь.

– Давайте уже, проваливайте поскорей. У меня срочные дела, – вспомнила я поднимаясь и направляясь в коридор.

Следователю ничего не оставалось, как пройти за мной.

– Какие дела? – поинтересовался следопыт, будучи в коридоре.

– У меня через сорок минут встреча с журналистами, по поводу исчезновения Анжелы. И в отличие от вас, они мне заплатят за беседу, – сказала я, выпихивая наглого мужика и закрывая за ним дверь.

Направилась в комнату. Распахнула шкаф.

Нужно выглядеть неотразимо и печально, соответствуя образу. Иначе мерзкие журналисты, напишут, что мать выдающейся звезды – лохудра.

Благодаря этой истории, ты, Анжела, станешь ещё популярнее.

Твои фильмы начнут пересматривать.

Ты станешь грандиозным талантом века!

Хорошо, что мы с тобой успели оформить авторские права. А то я уже испугалась, что придётся устраиваться на работу.

ГЛАВА 4. ОТЕЦ

– Видимо, вы уже разговаривали с моей бывшей женой, – поинтересовался я.

– Да, имел честь.

Я ухмыльнулся:

– Ну и как она? Всё так же пьёт, как лошадь?

– Не сказал бы, что как лошадь... но выпивает.

– Вы льстите этой чокнутой.

– Почему вы называете свою жену чокнутой? – спросил следователь.

– Бывшую жену, – поправил я. – Потому что она сумасшедшая. Помешалась, продавая собственную дочь. Я пытался вмешаться, но Лариса закатывала жуткие истерики. А когда я заявил, что развожусь и забираю дочь, Лариса подкупила суд и тот вынес решение в её пользу. Если бы вы знали, как она манипулировала ребёнком. Это просто ужасно!

– Что вы имеете ввиду?

– Моя бывшая любит выпить. Это, практически всегда её нормальное состояние. И если Анжела в чём-то не соглашалась с ней, эта чокнутая грозилась себя убить. Анжела, периодически, прятала в доме все колющие и режущие предметы, чтобы эта психопатка не перерезала себе вены. Пару раз она демонстративно пыталась утонуть. Несколько раз Анжи вынимала её из петли и ещё несколько раз останавливала, чтобы эта еб... простите, сумасшедшая, не выпрыгнула из окна. Представьте, в каком постоянном стрессе жила моя дочь. Когда я предложил переехать ко мне, разумеется, «благоверная» пообещала перерезать себе вены, если Анжи так и сделает. Дочь только один раз сорвалась. Когда эта чокнутая выставила её парня из квартиры. Тогда цирк абсурда со вскрытием вен не сработал. Анжи жутко разозлилась и сказала, что если мать покончит самоубийством, то моей дочери станет только легче. И что если Лариса не остановится, то Анжела переедет и оборвёт все связи. Я знаю Никиту. Парень не плохой. Просто не пара моей дочери.

– Почему вы так думаете?

– Потому что прекрасно видел, что Никите хоть и нравится моя дочь, но парню явно скучно с ней. А Лариса навязывала запросы, чтобы парень был миллиардер, не меньше... На деле, Анжела очень уставала на работе. После смены ей хотелось просто сидеть дома. А парня вечно тянуло на приключения. Это его идея отметить получение роли. Если бы они не пошли в кабак, Анжела была бы жива.

– Вы знаете, как умерла ваша дочь?

– Два мужика повздорили. Один достал нож. Попытался прирезать второго. Тот увернулся, и первый летел с ножом на подругу моей дочери. Я всегда учил дочь поступать благородно. За это и поплатился. Дочь заслонила подругу собой и умерла. И я просто в шоке от того, что полиция так и не смогла найти преступника.

– Знаете ли вы парня, который раскопал могилу вашей дочери?

– Нет. Но считаю, что психушка для него – это слишком просто отделался парень. Если бы он попался на глаза в тот момент, когда я узнал, что мою мёртвую дочь раскопали, точно бы его придушил! Это же вандализм! Неизвестно, как давно он этим занимается и сколько ещё могил раскопал. И что делал с трупами умерших... Таких психов нужно держать в закрытых учреждениях, подальше от нормального общества.

– У вас есть предположения, куда могла пропасть ваша дочь?

– Есть. Её мать забальзамировала тело и продала какому-нибудь чокнутому фанату, – хмуро ухмыльнулся я и заметил: – Вообще, это ваша работа: строить предположения и искать ответы на вопросы.

– Да, конечно, это наша работа. Но, неужели у вас настолько плохие отношения с вашей женой.

– С моей женой у меня отличные отношения. У нас замечательный мальчик четырёх лет и моя жена нормальная, в отличие от бывшей, способной на что угодно ради денег и власти, – я взглянул на часы и ответил. – Мне пора. У меня встреча с субподрядчиком через пол часа. Не люблю опаздывать. Очень надеюсь, вы побыстрее найдёте труп моей дочери и вернёте его на законное место. То есть – в могилу.

Следователь уныло кивнул и вышел.

Я спешно засобирался.

Не люблю вспоминать о дочери. Просыпается ненависть к бывшей. Хочется всё крушить и ломать.

Из-за этого могу сорваться на жену, которая стерпит мой нервный припадок. И я...

Я потянулся за таблетками для сердца и выпил одну. Успокаиваясь.

Анжела умерла.

Её не вернуть, как бы ни хотел.

Мне лишь остаётся жить.

Мне есть для кого жить.

У меня прелестная жена и сын.

А прошлое должно остаться в прошлом...

ГЛАВА 5. ПОДРУГА

– С Анжи мы познакомились на съёмках, – ответила я. – Она играла с первых дублей. Это просто невероятно. Её партнёры могли ошибиться, но только не она. Анжи всегда играла бесподобно. Могла сыграть любую роль... наверное. Я подошла к ней выказать своё восхищение. Анжела, выслушав меня, предложила выпить чаю. Наверное, вы не знаете, но кормят обычно только основных актёров и иногда групповку. Людей из массовых сцен – очень редко. А тут, такая звезда, как Анжела Голубева пригласила в свой вагончик выпить чаю... только дурак откажется от такого предложения. Я сама работала на рынке. Продавала одежду. Когда выпадал свободный день, подрабатывала в массовке. Анжи помогла подняться выше в – групповку. Иногда, мне выпадали роли второй актрисы. Благодаря ей, я поднялась выше. Туда, где и не мечтала. Но потом...

Потом меня начало раздражать, что я – тень Анжелы. Это естественное состояние человека – стремиться куда-то. Понимаю, что должна быть благодарна, что она помогла. Но невыносимо было, когда Анжи боготворили, а меня, как второсортную, отпихивали в сторону... Потом она познакомила меня с Никитой, своим парнем. Они постоянно болтали на различные темы, что раздражало. Я начала чувствовать себя дефектной и лишней в присутствии Голубевой. Словно я – ничто. Пустое место!

Я начала переписываться с Никитой. Поначалу, это было просто забавным. Но когда не прошла кастинг в фильм, в который прошла Анжела, то напилась и позвонила Никите. Он приехал и так вышло... Мы переспали. Никита сразу пожалел наутро. Но потом это случилась ещё раз. И ещё... Мы стали встречаться за её спиной, потому что у Анжелы не было на нас времени. А потом она позвонила и сказала, что прошла новый кастинг, и меня по рекомендации приняли на роль второй злодейки. Представляете, что я почувствовала?

– Вы обрадовались? – предположил мужчина.

– Нет. Возненавидела её. Была настолько зла, что подбила Никиту всё рассказать, когда пойдём отмечать. Но мы не успели... Когда тот мужик летел на меня с ножом, Анжела внезапно заслонила меня. Она умирала у меня на руках. Из-за меня. Я её ненавидела, но не желала ей смерти... Я видела, как из неё тонкой струйкой вытекает кровь. Кто-то сказал не доставать нож, но его вытащили, и кровь хлынула, прямо как в фильме ужасов. Я пыталась зажать рану скатертью, но понимала, что она сейчас умрёт. Анжи на глазах становилась всё слабее и слабее. Приехали врачи, забрали её на скорой. Она пять часов пролежала в реанимации, а потом умерла. Представляете? Я не могла поверить, что Анжела мертва. Вспоминаю, как стояла вся в её крови. А рядом Никита, тоже весь в крови. И чувство, что всё не по-настоящему. Сейчас в рации прозвучит голос режиссёра «Стоп, снято!» и Анжи радостная встанет с носилок, откинёт простынь и пойдёт пить чай. Но этого не происходило. А потом были похороны. Её мать не хотела меня впускать даже на порог. Сразу начала орать, что я дрянь и виновна в том, что Анжела умерла. Я чувствую себя убийцей. Но ведь это не так! Я не просила Анжи заслонить меня. Это было её собственное решение. Лариса сказала, лучше бы я умерла, как и было положено. Все жалели Ларису, и, полагаю, думали так же, потому что бросали косые взгляды. А Никита и вовсе чокнулся! Он перестал со мной разговаривать. Не брал трубку когда звонила. А затем просто прислал смс: «Давай сделаем вид, что не знакомы!». Вот так просто, без извинений и объяснений. Просто порвал со мной, выкинул на помойку, как ненужную вещь. Но знаете что? Произошло кое-что невероятное! Я получила главную роль, которую должна была играть Анжела. Как и хотела. Но радости эта роль не принесла. Словно, Голубева своей смертью прокляла её. Люди только и говорят, что об Анжеле. Что это её роль. Что она бы сыграла лучше. Что благодаря ей фильм получил бы награду, а сейчас его можно крутить только в клубах в глубинке. И самое ужасное – осознание, что без Анжи я и правда – ничто. Раньше

она всегда поддерживала... а сейчас я совсем одна. Помню, Анжи однажды сказала, что самая яркая звезда светит для всех в своём одиночестве. Сейчас понимаю, что она имела в виду. Не смотря на окружающих, Голубева смела чувствовать себя одинокой. Анжела просто зажралась, купаясь во всеобщей любви и внимании и, чтобы получать это самое внимание, притворилась такой одинокой и несчастненькой, чтобы жалели. Противно на это было смотреть.

– Если правильно помню, вначале вы упомянули, что Анжела Голубева была вашей подругой? – с сомнением спросил следователь.

– Какой подругой? В шоу-бизнесе друзей нет! Анжела была мне подругой... – саркастично хмыкнула я.

– Но вы же сами говорили, что она вам помогала.

– Помогала. Чтобы показать другим: смотрите, какая я хорошая, какая благородная. Общаюсь с простыми смертными, позволяю им пить чай за одним со мной столом и разговаривать с моей персоной. Даже встречаться могу с простым парнем, а не с суперзвездой. Очнитесь! Это всё для поддержания образа делается. Вы думаете, что актёры, бизнесмены, шоумены ездят по больницам и детдомам, потому что им детей и людей жалко? Или потому, что им это интересно и они хотят помочь? Откройте глаза: это всё для поддержания имиджа и создания ещё большей популярности и доверия между «идолом» и простыми смертными.

– Скажите, что делали утром 23 ноября. Приблизительно в семь часов утра.

– Разумеется спала, – ответила я, удивлённая таким вопросом.

– Кто-нибудь может подтвердить это?

– Соседка, разбудившая в полвосьмого, потому что я, видите ли, перегородила её машину своей. Десять минут ругались, пока прогревала свою машину. Это могут подтвердить пол дома.

– Допустим. А есть ли у вас предположения, кто бы мог похитить тело вашей мёртвой подруги.

– Есть предположения. Это абсолютно точно Никита, – сказала я. – Он в последнее время помешался на Анжеле. Только и пишет о ней. Его чуть не уволили из-за этого, а он всё равно... Поэтому не удивлюсь, если он утащил её тело и где-нибудь его хранит, – я скривилась и созналась. – Знаете, от этой мысли мне стало дурно. Не могли бы мы поскорее закончить разговор. Боюсь, как бы не вырвало...

ГЛАВА 6. НИКИТА

– Я украл тело Анжелы и храню его? – даже чаем поперхнулся от этой новости. – Давайте угадаю, кто сказал эту чушь?!

– Ваша любовница.

– Любовница? Громко сказано. Мы с ней пару раз спали. Только и всего, – пожал я плечами.

– То есть, вы не отрицаете, что у вас с Алиной Ефремчук были отношения?

– Да не было у нас отношений. Просто пару раз спали. А это не отношения! Вообще, не стоит ей верить. Большая часть из того что она говорит – плод её фантазии. Придумывает различную фигню, сама начинает верить, а потом ещё и окружающих убеждает. Могу показать нашу переписку. Убедитесь, что я всё это время пытался от неё отмазаться.

– Но вы же с ней, как вы выражаетесь, спали?!

– Спал. Потому что сама ко мне лезла. А когда Анжела на съёмках, так что делать?! А тут: сама приедет, потрёмся да разбежимся. Меня всё устраивало, пока у неё шарики за ролики не заехали. Называется: «Я расскажу Анжеле о наших отношениях!». Поначалу боялся что и правда расскажет, потому бегал на побегушках. Анжелу я любил. Анжи – человек, личность. Она, как королева. Идеал, слишком хороший, чтобы быть правдой. Боялся – поймёт, что я не достоин её и уйдёт. Может, из-за этого чувства слишком большой идеальности я и связался с её подружкой. Сейчас сложно объяснить свои поступки. Не знаю, как их объяснить. Просто, когда чувствуешь недостойным, начинаешь вести себя подобающе. Вот и всё. Мне всё равно, что думают по этому поводу. Я любил Анжи. До сих пор не верю, что она умерла. Не знаю, как так вышло. Почему не смог её защитить? Почему она полезла защищать Алину? Ведь тогда бы не умерла...

Я помолчал, тарашась в стену и пришёл к выводу:

– Наверное, это был её выбор. И мы должны его уважать. Я так и не смог рассказать об измене при жизни. Поэтому, сказал, стоя у её гроба. Знаю, что она простила бы меня в любом случае. Потому что она такой человек – который всё стерпит и всё простит. И люди этим пользовались. И, что самое ужасное – я.

– Говорят, вы сейчас очень много пишете об Анжеле?

– Пишу. Это моя работа – писать. И неважно: о ком или о чём. Если статьи подходящие, их публикуют. Анжи сейчас очень подходящая тема. Во-первых, начались съёмки фильма, в котором она должна была играть главную роль. Разумеется, все критикуют игру Алины и вспоминают Анжелу Голубеву. Во-вторых, недавно какой-то чокнутый раскопал её могилу и свистнул тело. Это же бомба для новостей. Можно целый сборник статей издать. И пипл схавает. Прямо сериал: молодая, талантливая актриса, заступает за свою бездарную подругу, и умирает вместо неё. Затем один псих, любящий фотографировать мертвецов, раскапывает её могилу, и оказывается в психушке. А тело актрисы загадочным образом исчезает... Я, кстати, пытался проникнуть в психушку, чтобы поболтать с этим чокнутым. Но меня не пустили. Мол, тайна следствия и всё такое. А народ желает знать правду. Вы, кстати, что знаете по этому поводу?

– Тайна следствия.

– И вы туда же? Мы же почти коллеги, что вам, трудно сказать? – я вздохнул, с любопытством пытаюсь прочитать что-нибудь на каменном лице мужчины.

– Где вы находились 23 ноября в семь часов утра?

– У друга на флэте.

– Где? – не понял он.

– Ну на вечеринке одной. Кореш женился, так мы всю ночь голивудили. А с утра отходили. Проснулись около часа. Меня случайно закрыли с проституткой, так что пришлось ей сверхурочно доплачивать. Можете у корешей спросить. Все подтвердят. Если у Вас больше вопросов нет, я бы пошёл дописывать статью. А то завтра срок сдачи...

ГЛАВА 7. МАТЬ НЕМОГО

– Это очень хорошо, что вы из газеты. Проходите, – обрадовалась я, впуская парня за калитку.

– Даш, а Даш. А это кто к тебе пожаловал? – крикнула Клавка прилипнув к забору.

– А это из газеты приехали. Про Алёшу писать.

– Твоего Алёшу нужно в цирке за деньги показывать. Хоть какая-то польза, – заржала Клавка.

– Что ты кудахчешь, курица лохматая, иди к себе в огород, там и кудахтай, – махнула я на неё рукой и, провела молодого человека в дом. – Может, чаю хотите, али кофе?

– Нет, спасибо, – ответил молодой человек, представившийся Никитой. – Я бы с удовольствием послушал вашу историю.

– Ой. Ужас, а не история. Такую только в детективы писать. В общем, сынок мой, Алёша, двадцать восемь лет от роду, родился слабеньким и хиленьким. Всё время болел. Когда маленьким был, его хлопцы избивали. Так у него из-за травмы пошла афазия. С тех пор он и не говорит вообще. Всё понимает, но не говорит. Да и не хочет ни с кем знаться, дичится. Всегда один да один. Хиленьким он был, потому работы никакой выполнять не мог. Только книжки и читал. А затем появился интернет. Так он всё время в этом интернете сидит. Не знаю, что он там делает. Только помощи никакой не дождётся. Всё что-то пишет. Статьи какие-то, наверное. Из дома редко выходит.

– Фрилансер.

– Чего? – не поняла я.

– Ну, фрилансер. Человек делает работу на дому и получает за это деньги, – пояснил паренёк.

– А как получает-то? Он же дома всё время?

– На электронный кошелёк.

– Это где?

– В интернете заводишь кошелёк, у тебя есть личный счёт. Потом приходишь на почту или в банк и снимаешь деньги.

– Я не сильно в этом понимаю. Но не думаю, что мой Алёша тоже в этом что-то сообщает. Хотя, компьютер он хороший купил. И с этой штукой электронной ходит, в которую пальцами тыкать надо. Не телефон, а этот...

– Планшет, – подсказал парень.

– Да, точно. Вот он смог их купить. У нас денег не просил. Мне подарил на пятьдесят лет электро варку...

– Мультиварку?

– Точно. Думала, его прибью. Вначале решила, ограбил кого. Потом Алёша чек показал, как положено. Как так зарабатывает – не знаю. Однако всегда сидит там. В своём кампутере...

– Расскажите про инцидент, произошедший с вашим сыном 23 ноября? – попросил журналист.

– Это просто ужасно. У меня до сих пор не укладывается в голове, как такое могло произойти. Дело в том, что все парни на деревне переженились. Кто на городских, кто на местных. Один Алёшка остался. Ну кто ж за такого нерадивого пойдёт? Мы ему нашли девушку хорошую. И Лёшка ей, вроде, понравился. А её родители попросили приданное, значит. Мол, что, дочь за вашего нерадивого просто так отдадим?! Мы спорили, ведь и их дочь не первая девка на деревне. Однако ж так вышло, что мамка моя померла. Мы с ней давно не ладили. Так участок она на Алёшу переписала. А почто нам хата в соседней деревне? Ну, мы и порешили участок продать. В тот день, как бес попутал. У меня смена, у мужа смена. А Алексей один

должен был поехать в соседнюю деревню и деньги забрать, да кое-какие вещи. Ну не повезёт же деньги и вещи в руках? Потому, Алёша вывел коня, телегу. Взял паспорт и поехал забирать наличку да пожитки. Нужно ж было ещё хату переписать, потому, отправился в пять утра. Пока вещи вытащил бабкины, пока сходил с новыми жильцами переписать все бумаги (у нас райком с полвосьмого работает), было уже восемь. Алёша договорился, что отвезёт деньги и бумаги домой, а затем вернётся забрать оставшиеся вещи. Хозяева разрешили. И Алексей поехал в сторону дома. Хозяева говорят, было это в начале девятого...

В этот момент Алёшенька зашёл на кухню. Набрав воду в чайник, поставил на плиту, греться.

– Алёш, кушать хочешь?

Сын покачал головой и уставился на журналиста.

– Это парень из газеты. Про тебя писать будет, – пояснила я.

Алёша усмехнулся, достал планшет с нарисованным надкушенным яблоком, и быстро набрал:

«Нечего про меня писать. Пускай проваливает!»

– Алёша. Ты что! Нельзя быть таким грубым! – укорила я.

«Льзя!», – написал он и пририсовал улыбочку.

– Эх, горемыка! – покачала головой. – Ты ж книжки читаешь и в школу ходил. Должен знать, что на «нельзя», нужно отвечать не «льзя», а «можно».

«Я запомню, мама. Пускай он уйдёт.»

– Уже скоро уйдёт, не переживай. Давай, кофе сделаю.

Пока делала кофе, заметила краем глаза, как Алёша ведёт себя с гостем. Сын сел на мой стул, пока ожидала, когда закипит чайник, и пристально разглядывал гостя.

Журналист протянул ему руку и представился:

– Никита.

Алёша посмотрел на конечность. Спрятал руки под стол, показывая нежелание рукопожатий.

Я цокнула языком и пояснила:

– Алёша не любит гостей. И на улицу редко выходит. Не дождёшься помощи от этого балбеса... – отвесила сыну лёгкий подзатыльник и заметила. – Побрился бы ты, что ли. А то борода, как у ксёндза. Или как у этого... который на острове один жил...

«Робинзон Крузо», – написал сын.

– Это ты знаешь. А вот что «можно» вместо «льзя» говорить надо – нет. Чудной, – усмехнулась я, а сердце защемило от страшной мысли.

Вот умру я.

И кому он нужен будет?

Ни семьи, ни детей. Присмотреть некому.

Я вздохнула и ещё раз посмотрела на сына.

Когда он родился, я знала, что он самый лучший ребёнок на свете. И если бы не афазия... он бы многого добился.

Это я виновата, что не досмотрела сына.

Теперь вот, ни работы, ни жены у него. Что ж поделаться то...

Я поставила большую кружку кофе перед Алёшей и, погладив по голове, ласково спросила:

– Молочка может в кофе? С молочком вкуснее.

Алёша покачал головой, прямо-таки сверля свирепым взглядом парня-журналиста. Тот, в свою очередь, так же не сводил взгляда с Алёшеньки. Даже показалось, что у них какая-то война взглядов. Хотя с чего бы? Они друг друга в первый раз видят.

Алексей взял кружку и, отвернувшись, ушёл в свою комнату.

Журналист проводил его взглядом и спросил:

– А можно будет потом взглянуть на его комнату? Чтобы полностью и досконально описать характер вашего сына.

– Ой, да на что там смотреть? – отмахнулась я. – Книжки, да прочая рухлядь, которую он с помойки притащил.

– А можно сделать несколько снимков, чтоб привлечь внимание общественности на всю трагичность вашей ситуации? – улыбнулся парень.

– Ну, не знаю, – ступевалась я, – Алёша не любит, когда в его комнату заходит кто-то посторонний, вряд ли он вам разрешит.

– А что же было дальше? – заинтересованно спросил молодой человек, переводя тему.

– Дальше? Так... на чём я остановилась? Дальше Алёшка вернулся поздно вечером. На голове шишка. Объяснить ничего не может. Ехал, пишет, по дороге. Вдруг бац, по голове кто-то ударил и всё. Очнулся вечером в поле. Денег и паспорта нет. Кто-то из местных, видать, прознал про деньги, выждал, когда Алёша будет ехать один, да и обокрал. А деньги эти на свадьбу были, и чтоб новых родственников умаслить...

В дверь постучали, я пошла открывать. В пороге стояла почтальонка.

– Здорово, Даш.

Валя была человеком, всегда оказывающимся в центре каких-то событий. Сама того не желая, она засовывала свой длинный нос в чужие дела. По природе являясь лидером, Валька возглавляла клуб «Кумушек». Так мы называли за глаза женское трио сплетниц. Хочешь, чтобы новость облетела деревню? Скажи «Кумушкам».

Кстати, недавно с Валюхой тоже история приключилась. Решила она перед работой на могилку к мужу сходить, да наткнулась на вандала, что могилу чужую раскопал. Валюха не растерялась да огрела вандала лопатой...

Сейчас было самое время представить её Никите. Но зачем мне это делать?! Чтобы Валька три часа рассказывала про себя, и вытеснила своей персоной моего Алёшу со страниц газеты?

Нет уж!

Поэтому на её «здорово» я ответила.

– Здоровей видали, – ухмыльнулась я.

– Тут, твоему нерадивому бандеролька пришла. Пушай сходит, получит. Транжирит твои деньги. И почто такого бугая на своей шее держишь?

– Свои деньги он транжирит. Ясно тебе? – нахмурилась я.

– Ага, как же, свои. Где он их зарабатывает? Сидя дома? – фыркнула Валька.

То ли она не в духе, то ли пытается что-то выведать.

Это плохо! Валюха, она как клещ: если присосётся, то тяжело избавиться.

Вообще, у нас неплохие отношения. Но я решила сегодня с ней не церемониться.

– А хоть бы и так. Не твоего ума дело. Зарабатывает и ладно, – отрезала я. Выхватив бумажку из её рук, захлопнула перед носом дверь. – Люди у нас здесь злые. Дай повод языками почесать, они б только этим и занимались, – пояснила я, направляясь в комнату Алексея.

Он как всегда сидел за своим компьютером.

Почувяв, что в комнату вошли, Алёша что-то быстро закрыл на кампутре и продолжил раскладывать карты.

– Ты б не в игрушки играл, а сходил на улицу прогулялся. Вона, какая погода хорошая. Солнышко. А ты сидишь в своей каморке. На вот. На почту сходи, пришло тебе кое-чё.

Выйдя из комнаты, вернулась на кухню и обнаружила молодого человека разглядывающим стены.

– Поделки ваши смотрю, – пояснил он. – Это вы всё сами сделали?

– Да. Люблю заниматься рукоделием. Когда с Алёшей беда приключилась, так я в школе кружок рукоделия вести начала. Чтоб с сыном больше времени проводить. Тогда и поделки делать стала. Из соломы и из кожи. И Алексей раньше увлекался. А сейчас забросил. Не ребёнок уже, поди. Но перед летней ярмаркой он всегда помогает. А потом мы их продаём.

– А что это за ярмарка, вы говорите? – заинтересовался журналист.

– Да наша, местная. «Осень Золотистая», называется.

Никита перевернул одно изделие из кожи и протянул:

– Странно, вымолвил парень.

– Что именно? – спросила я.

– Точно такое же видел на международной фестивальной ярмарке по коже. Абсолютно в этом уверен, потому что писал про это статью. Работа заняла первое место и была продана на аукционе за космическую сумму, – протянул Никита. – Автора, кажется, зовут Лизи. Иностранка.

– Правда? – переспросила я.

– Да. Более того, с автором подписали долгосрочный контракт на изготовление эксклюзивной коллекции.

– И чё, много заплатили? – поинтересовалась я.

– Очень много! Это же хэнд-мэйд!

– Что это?

– Ручная работа.

– Получается, кто-то купил моё изделие, скопировал работу и имеет за это кучу денег?!

– Да! Это называется «плагиат», – объяснил Никита.

– Ой, мамочки, как ж жить на этом свете... Всё тырят! – воскликнула я. – У нас, конечно, много чего перекупают, а потом перепродают. Картошку, например. Но чтобы так...

Мимо кухни тихо прошёл Алёша. Я ему крикнула, чтоб не забыл купить хлеба. Сын молча закрыл дверь, и скрипнул калиткой под лай нашей собаки. Та обожала Алёшу, бесконечно радовалась и тьякала, когда тот появлялся во дворе, чем доводила до головной боли.

– Так вы говорите, что вашего сына ограбили?

– Именно. При этом чуть не проломили ему голову, – пояснила я, всё ещё думая над тем, что меня тоже «ограбили».

– А когда он ехал из соседней деревни, он никого странного или подозрительного не видел.

– Вроде как нет, – неуверенно ответила я.

– А ничего странного не происходило в этот день в округе?

– Да нет, вроде, – удивилась я, а потом припомнила: – Точно! В этот день на нашем кладбище могилу разрыли.

– Могилу?

– Да. Могилу какой-то умершей. Парня этого, что могилу раскопал, поймали. А вот девица – покойница куда-то пропала. Это ужас, до чего свет дожил: покойников воровать! – ужаснулась я. – Говорят, эта девушка, актриса какая-то была. Знаменитая. А на кладбище её на нашем похоронили, потому что ейная бабка здесь похоронена. Мать, говорят, пожадничала денег. Участок в городе знаете сколько стоит? А у нас земля – от колхоза. Бесплатная, считай. Ужас просто! Даже помереть спокойно людям не дадут.

– А представляете, ваш сын в это время, ехал домой, – обернулся ко мне парень. – И он вполне мог пересечься с теми, кто украл мёртвую девушку, – журналист сел напротив меня, а я открыла рот.

– Вы полагаете, что мой Алёша, увидел тех типов, кто украл мёртвую девку? А те, дав ему по голове, скрылись? – предположила я. – Зачем они тогда забрали паспорт и деньги?

– Чтобы все подумали, что это ограбление.

– Но зачем им это делать? – удивилась я. – неужели, эта мёртвая была...

– Известной актрисой, выигравшей в семь лет свою первую награду за лучшую детскую роль. Каждый год она непременно занимала высокие места в киноиндустрии. Если она соглашалась работать в каком-то фильме – тот был обречён на успех. Теперь понимаете? Вероятно, кто-то очень богатый, сделал «заказ», чтобы тело выкопали и разместили у него дома, как эталон самой успешности...

– Этот кто-то очень богатый, очень сумасшедший, что ли? – нахмурилась я.

– Знаете... Этого никто не замечает или делает вид, что не замечает. Во всяком случае, об этом не говорят. Но если хорошенько приглядеться – мир просто переполнен психопатами, которые скрывают своё безумие.

– Насколько нужно быть психопатом, чтобы разрыть могилу умершего человека?! – ужаснулась я. – Она же умерла. Неважно, насколько она была знаменита и богата. Неужели даже тогда нельзя человека оставить наконец-то в покое?!

– Просто я вот что сейчас подумал... – сказал Никита, подпирая щеку рукой, как я. – Вдруг ваш сын всё же видел тех, кто украл мёртвую девушку. А может быть, он даже знал тех, кто это сделал. Потому и молчит. Потому что боится их.

– А ведь и точно, – вспомнила я. – Алёша очень странно ведёт себя с тех пор. Я это списывала на переживания от несостоявшейся свадьбы. А вдруг он и правда узнал тех, кто украл покойницу?! Тогда, это означает, что он знает, кто его обокрал. Знает, и молчит.

– Именно, – кивнул Никита, а я всплеснула руками.

– Что ж делать-то? – воскликнула я. – Алёша ж, наверное, с ума сходит, а рассказать не может, потому что боится. Ой, мамочки. Не было б беды из-за этой мёртвой. Ладно б живая, я понимаю. Но покойница-то кому нужна? Из-за неё в тот день все переполошились. Людей на станции и на автобусных остановках чуть не раздевали. Только стариков не трогали, а молодых прямо досматривали. Для чего, спрашивается, если покойницу с утра украли. Днём-то чего уж кипишь поднимать?!

– Должен вам признаться... я очень заинтересован в этом деле. Хочу помочь вернуть вам деньги и открыть правду, чтобы виновных наказали, – парень сказал это с такой искренностью, что беспрекословно поверила ему. – Если разрешите, могу ли взглянуть на комнату вашего сына. Может там увидим какие-нибудь подсказки.

Я без колебаний провела парня в комнату Алёши.

Первым делом, он устался на компьютер. Затем подошёл к книжной полке и начал разглядывать книги.

– Ваш сын знает иностранные языки? – спросил он.

– Нет, откуда? – удивилась я.

– У него книги из Кембриджского университета и поэзия восемнадцатого века. На французском. Кажется... в оригинале, – ответил Никита.

– И что это значит? – не поняла я.

– Значит, что вот эта книжка стоит не меньше, чем десять тысяч долларов. Если не больше, – почесал парень затылок. – И она здесь, не единственная ценность. Вот, например, этот горшок, в котором Алексей хранит карандаши. Если не ошибаюсь – это настоящий китайский фарфор. Не знаю, какой эпохи... но, видите эти трещины? Они говорят о древности данного изделия, – парень огляделся и сказал: – Если собрать всё содержимое комнаты, можно купить, несколько пентхаузов, или выкупить чей-нибудь успешный бизнес. Или уехать в Швейцарию на постоянное место жительства, выкупив там чей-нибудь бизнес.

– Что вы хотите сказать, молодой человек? – совсем запуталась я.

– Только то, что ваш сын не тот, за кого себя выдаёт. Кем, говорите, он работает?

– Пишет для газет статьи... наверное, – пробормотала я, совсем обалдев. – Да он эту рухлядь на свалке нашёл, – махнула рукой и нервно рассмеялась.

– Поверьте, такие вещи не валяются на помойках, а продаются за очень большие деньги с аукционов...

– Это же Россия! Тут может быть всё, что угодно! – запротестовала я.

– Я бы подумал, что это возможно. Одна или две очень дорогих вещи – допустимо! Но их здесь столько... прям сокровищница Али-Бабы. Это просто невероятно! И IMac последней модели...

– Кто? – обалдело спросила я.

Только что услышанное никак не желало укладываться в голове.

– Компьютер вашего сына. Такая модель стоит больше трёх тысяч долларов. Понимаете? Даже люди со средним достатком не могут позволить себе такое удовольствие. Что уж говорить о парне из деревни.

– У нас городской посёлок, – нахмурилась я, потому что протестовать на остальное не могла.

– Простите, из городского посёлка, – поправился журналист. – Одного не понимаю. Зачем парню в городском посёлке все эти вещи? – Никита подобрался к столу и взял с него листок: – А это что? – удивлённо спросил он.

Я подошла и выхватила у парня из рук листик в клеточку, на котором почерком сына было написано:

«Извини, мама. Нужно срочно уехать. Если не будет денег, можешь продать одну из книг на полке вот этому человеку (имя и номер телефона прилагаются). Меня не будет пару лет. Так что хорошо питайся и не перетруждай себя работой.

Твой Алёша».

– Это что ж такое-то? – взревела я. – А ну пойдём скорей на почту! Сейчас задам ему трёпку. Уехать он собрался...

Быстро накинув куртку и резиновые сапоги, я поспешила в сторону почты, когда Никита окликнул:

– Давайте на машине.

Когда ворвалась в почтовое отделение, то, не заметив там сына, прижала почтальоншу:

– Мой сын был сегодня?

– Был, – кивнула Валюха, удивлённая поведением.

– Что в бандероли? – спросила я.

– Ты же знаешь, что я...

– Я знаю, что ты любишь сунуть нос куда не надо. И не отвинчивайся, что посылки не вскрывала! – накинулась на неё пуще прежнего.

– Ну вскрывала, – проворчала Валька.

– Что было в посылке?

– В бандероли, – поправила Валюха.

– Один чёрт, как это называется. Я спрашиваю, что там было?

– Там... странное дело...

Валька покосилась на парня рядом со мной. Поняв красноречивый взгляд, последовала за ней вглубь почтового отделения. Никита тоже попытался пройти. Пришлось резко осадить парня, что это не его дело.

– Говори, – сказала я Вальке, когда остались наедине.

– Там был паспорт.

– Чей паспорт?

– Паспорт твоего сына. Прошлогодний, который он потерял. Только не с его именем.

– В смысле не с его?

– Ну, фотокарточка там была от старого паспорта, а имя, фамилия, прописка – не его. То есть поддельный паспорт это был, – произнесла Валька шёпотом.

– Поддельный? – обалдела я.

– Да. А ещё, там карточка была. Банковская. Вся такая золотая. С именем и фамилией на поддельный паспорт. Письмо это пришло от его жены из Франции.

– От какой жены? – ещё пуше обалдела я.

– Ну ты что, только проснулась? Твой сын вот уже как пять месяцев женат на Наталье Ростовой.

– Ты чё, Валька... Романов перечитала что ль? – нахмурилась я.

– Ты в паспорт сына смотрела? У него что в старом, что в новом один штамп стоит – с этой Наташей Ростовой. От 23 ноября. Прошлого года. Что, серьёзно не знала? Как ты могла не знать, что твой сын женат?

– Ой, Валька. Мне дурно, – в голове всё плыло.

Валуха метнулась за водой и нашла меня в слезах.

– Даш, ты чего? Дашка.

– Ой, Валька. Ой, Валька! – запричитала я, рыдая. – Кого ж я вырастила! Ирода вырастила. Он ж все эти деньги, что заработал, нечестным путём зарабатывал. Ой, даже страшно подумать, как он их зарабатывал, – схватилась я за голову и выла, не отвечая на вопросы почтальонши.

Немного успокоившись, согласилась выпить чаю.

Валуха меня оставила, а сама пошла работать.

Находясь в одиночестве, я пришла к следующему.

Мой сын, как бы не хотелось об этом думать, но... зарабатывал большие деньги нечестным путём.

Иначе, зачем ему сбегать?

И... вполне возможно, он замешен в деле с покойницей, которую за большие деньги нужно было выкопать и перевезти в нужное место. Не зря же он на телеге отправился.

А потом Алексей что-то не поделил с друзьями, те ему дали по башке и отобрали деньги. В том числе и за дом. А что это за женщина, с которой он поженился 23 ноября?

Стоп.

Это ж тот самый день, когда его ограбили.

Тогда получается...

Он нашёл себе девушку, но не хотел говорить, потому что мы его собирались женить. Тогда он, чтобы заработать, помог выкрасть и перевезти тело покойницы. Затем получил деньги за работу и в этот же день женился. А потом получил по голове и был ограблен. Кем-то, кого он знает.

Или... инсценировав, собственное ограбление и создав алиби, скрыл таким образом ещё какое-то преступление?

Вообще ерунда получается.

Почему он меня не познакомил с этой девушкой сразу? Не такая я уж и ведьма, чтобы не принять девушку, на которой хотел жениться мой сын. Тем более, что только об этом и мечтала.

И ещё: что у него за неотложные дела, что он бросил всё?

Он же никогда комнаты не покидает без причины. А тут уехал в неизвестном направлении. Неужто, у него большие проблемы?

Или его хотят убить?

Стоп.

Он решил уехать сразу же, как увидел Никиту.

Возможно, этот Никита, вовсе не журналист... И тогда, сыну грозит ещё большая опасность.

И мне тоже.

Как этот подлец, Никита, всё выспрашивал, а?
Нужно сделать вид, что ничего не подозреваю. Нужно молчать и никому ничего не говорить.

С этим намерением я вышла с почты. Никита тут же подбежал ко мне.

– Ну что?

– Ничего, – покачала я головой. – Ушёл куда-то. Наверное, пошёл в тихое место, любоваться своей посылкой. Вернётся домой, я с него шкуру спущу, – пообещала я, уверенная, что так и сделаю.

– Но записка... – начал было Никита.

– Какая записка? – переспросила я. – А, та записка... Он мне такие записки постоянно пишет. У него ж афазия тяжёлой формы. Я к этому привыкла. Придёт домой, как нагуляется.

– Тогда... когда могу к вам ещё подъехать? – спросил Никита.

– Зачем ехать? – удивилась я. – Всё что знала, всё рассказала. Нечего вам в наши семейные проблемы лезть. Семейные проблемы, на то и семейные, чтобы их семья решала, а не посторонние люди. А как статью напишете, вы позвоните, чтоб я газетку-то купила. Нашим клавам показать...

По дороге с почты зашла в магазин, чувствуя, что за мной кто-то следит. Руки тряслись, но я старалась как можно меньше показывать волнение. Набрала в корзину хлеб, батон, колбасу, подумала, и опустила на дно корзины бутылку водки.

Кассирша при виде меня криво усмехнулась.

– Что Дашка, за старое? – поинтересовалась ехидно, косясь на мои руки.

– Тебе-то что? Ты это, пробивай давай.

– Смотри Дашка. Муж насовсем уйдёт. Зачем ему жена-алкоголик, когда свободных и нормальных баб пол деревни, – стервозно сказала кассирша.

– Ключом не щелкай. Сдачу давай, – потребовала я.

– Держи, – усмехнулась она подленько.

Я же, вернувшись домой, распаковала пакет и уселась за стол, ожидать мужа. Поднявшись, решительно открыла бутылку водки и поднесла ко рту.

Резкий запах спирта тут же ударил в нос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.